

Как дрались Яппе и До Эскобар, Томас Манн

Признаться, я был ошеломлен, когда Джонни Бишоп сказал мне, что Яппе и До Эскобар собираются драться и что мы все пойдем смотреть их драку.

Случилось это в Травемюнде: #с_1 во время летних каникул. День был знойный со слабым береговым ветром, заставившим далеко отступить назад обмелевшее море. Мы пробыли в воде не менее сорока пяти минут и теперь вместе с Юргеном Браттштремом, сыном судовладельца, улеглись на плотном песке чуть пониже сколоченных из балок и теса купален. Джонни и Браттштрем лежали на спине совсем голые, тогда как я почему-то обмотал свои бедра купальным полотенцем. Браттштрем спросил, зачем я это делаю, и так как я не знал, что ответить, то Джонни, улыбнувшись своей подкупающей улыбкой, заметил: верно, потому, что он уже немного слишком большой, чтобы лежать голым. Я и в самом деле был несколько больше ростом и лучше развит, чем он и Браттштрем, наверно и чуть постарше их — мне было почти тринадцать. Поэтому я не стал оспаривать его догадку, хотя в ней и заключалось что-то оскорбительное. В обществе Джонни легко было попасть в смешное положение, если ты не был ростом мал, как он, и не отличался хрупкостью и сугубой детскостью телосложения, для него столь характерными. Своими красивыми, как у девочки, голубыми глазами, которые умели так мило и в то же время так насмешливо улыбаться, он мог тебя смерить таким взглядом, словно желал сказать: «Какой же ты долговязый болван!» В его обществе как-то меркли наши идеалы мужественности и длинных брюк, и это — вскоре после войны, когда среди нас, мальчишек, сила, храбрость и суровая доблесть были высоко в чести и мягкотелостью объявлялось все, что угодно. Но Джонни, будучи иностранцем или полуиностранцем, не поддавался этому новому веянию. В нем, напротив, было что-то от женщины, которая стремится сохранить свою внешность и подтрунивает над теми, кому это не удается. Да к тому же он, без сомнения, был первым в городе мальчиком, которого одевали изысканно и по-барски, в настоящие английские матросские костюмы с синим полотняным воротником, с галстуком, завязанным, как у моряка, шнурами и серебряной дудкой в нагрудном кармане, с якорем на собранном у запястья пышном рукаве. Любого другого высмеяли и покарали бы за такое фатовство, но ему это несколько не вредило: он все носил с изяществом и непринужденностью, ни у кого не вызывая раздражения.

Когда он лежал вот так, запрокинув руки и примостив на них свою красивую английскую продолговатую светлую головку с мягкими кудрями, он был похож на маленького, худенького Амура. Его отец, немецкий коммерсант, натурализовался в Англии, где умер вот уже несколько лет тому назад, мать же его была англичанка знатного происхождения, дама с мягким, спокойным нравом и длинным лицом; со своими детьми — с Джонни и столь же красивой, немного злой маленькой девочкой — она обосновалась в нашем городе. Она все еще ходила во всем черном, нося траур по мужу, и, вероятно, выполняя последнюю его волю, растила детей в Германии. Видно было, что она располагает средствами: в пригороде ей принадлежал большой дом, а на взморье — вилла, время от времени она выезжала с Джонни и Сисси на дальние курорты. Она не сближалась с местным обществом, хотя оно и готово было ее принять. То ли по причине траура, то ли оттого, что кругозор задававших у нас тон семей казался ей слишком ограниченным, она жила в строгом уединении, но устраивала у себя в доме совместные детские игры и посылала Джонни и Сисси в кружок танцев и хороших манер, заботясь о светских знакомствах своих детей, следила, чтобы они вращались в среде, которую она если и не выбирала, то, во всяком случае, исподволь тщательно контролировала, с тем чтобы Джонни и Сисси знали лишь с детьми из состоятельных домов, — разумеется, не из принципа, но именно таковы были факты. И в мое воспитание госпожа Бишоп внесла со своей стороны лепту в том смысле, что открыла мне истину: дабы заслужить уважение других, не требуется ничего иного, кроме высокого мнения о самом себе. Потерявшая своего главу, маленькая ее семья не проявляла никаких признаков упадка и разложения,

что обычно в подобных случаях столь настораживает бургеров. Не имея родственных связей и титулов, не обладая унаследованным влиянием и общественным положением, госпожа Бишоп жила обособленно и в то же время солидно, да к тому же со столь обдуманной и уверенной солидностью, что все молча и не колеблясь прониклись уважением к ее семейству, а дружба с ее детьми высоко ценилась как девочками, так и мальчиками.

Ну, а о Юргене Браттштреме можно было сказать только то, что отец его достиг богатства и общественных постов и построил для себя и родных дом из красного песчаника возле Крепостного поля по соседству с домом госпожи Бишоп. Так коротышка Юрген, ничем не примечательный, флегматичный, услужливый мальчик, впрочем уже успевший развернуть маленькую подпольную торговлю лакричными леденцами, стал при полном одобрении госпожи Бишоп сотоварищем Джонни по играм в саду и попутчиком до школы.

Как я уже сказал, меня крайне испугало сообщение Джонни о предстоящем между Яппе и До Эскобаром поединке, который пройдет в суровой серьезности сегодня в двенадцать часов на Светлой поляне. Он может окончиться ужасно, ибо Яппе и До Эскобар — сильные, отважные парни с рыцарственными понятиями о чести, и самая мысль об их схватке приводила в содрогание. В памяти моей они, как и прежде, предстают большими и мужественными, хотя им было, пожалуй, всего лет по пятнадцати. Яппе происходил из среднего городского сословия; по сути безнадзорный, он, собственно, уже почти стал тем, кого мы называли тогда «фертами», — подразумевая под этим гуляк, обладающих некоторым налетом светскости. До Эскобар был свободной натурой — экзотический чужестранец, он и школу-то посещал нерегулярно, держась эдаким вольнослушателем (беспорядочное, но райское существование!), проживал на полном пансионе у каких-то бургеров и пользовался безграничной самостоятельностью. Оба они принадлежали к людям, которые поздно ложились спать, посещали трактиры, вечерами фланировали по Брайтенштрассе, заигрывали с девушками, считались отважными гимнастами, короче — кавалерами. Хотя в Травемюнде они жили не в гостинице при кургаузе, где им, собственно, было бы и не место, а где-то в городке, но как светские люди они чувствовали себя в городском парке как дома, и я знал, что вечерами, особенно по воскресеньям, когда я уже давно лежал в постели в одном из швейцарских домиков и мирно дремал под звуки игравшего в парке оркестра, они в компании с такими же юными прожигателями жизни прохаживались с предприимчивым видом в потоке курортников и экскурсантов перед длинным тентом кондитерской, ища и находя взрослые развлечения. Тут-то они и столкнулись. Один бог ведает, как и почему. Возможно, один нечаянно задел другого во время прогулки плечом, но, при их понятиях о чести, этого было достаточно, чтобы возник военный конфликт. Джонни, который, конечно, тоже давно уже спал и только понаслышке знал об этой ссоре, высказал своим приятным, чуть приглушенным детским голосом предположение, что, наверное, каша заварилась из-за «девки», о чем и так нетрудно было догадаться, зная лихость Яппе и До Эскобара. Словом, на людях они шума не подняли, но при свидетелях коротко и злобно договорились о месте и часе решения дела чести. Встреча завтра в двенадцать в означенном месте на Светлой поляне. Честь имею! Балетмейстер Кнаак из Гамбурга, *maitre de plaisir*[1 - Устроитель празднеств (франц.)] и распорядитель танцев на балах в курзале, присутствовал при этом и дал согласие прибыть на поле сражения.

Джонни откровенно радовался предстоящему поединку, и ни он, ни Браттштрем не разделяли чувства подавленности, которое испытывал я. Джонни, с присущей ему очаровательной манерой, чуть раскатисто произнося букву «р», твердил без конца, что эта парочка будет драться со всей серьезностью, как враги; с веселой и несколько иронической деловитостью взвешивал он шансы на победу того и другого. Яппе и До Эскобар — настоящие силачи и оба порядочные грубияны. Забавно, что наконец-то

выяснится всерьез, кто же из них наибольший грубиян. У Яппе широкая грудь и мускулы на руках и ногах великолепные, говорил Джонни; это-то мы ежедневно видели во время купания. Зато До Эскобар невероятно жилистый и отчаянный, так что трудно предсказать, кто одержит верх. Было странно слушать столь авторитетные суждения Джонни о достоинствах Яппе и До Эскобара и глядеть при этом на его слабые детские ручонки, которыми он никогда не смог бы ни нанести, ни отвести удара. Что до меня, то я далек был от мысли отказаться от зрелища этой драки. Я бы попал в смешное положение, да к тому же предстоящее сильно меня привлекало. Я обязательно должен быть там и все увидеть, раз уж узнал об этом, — меня обязывало своеобразное чувство долга, которое, однако, находилось в тяжелой борьбе с противоположными ощущениями: с великой робостью и стыдливостью — дозволено ли мне, отнюдь не воинственному, и не очень решительному, находиться на арене мужественных подвигов. Предстоящее потрясение от зрелища ожесточенной борьбы не на жизнь, так сказать, а на смерть порождало во мне нервозный страх, трусливое опасение, что именно мне, моей персоне, — ведь назвался груздем, так полезай в кузов, — будут предъявлены требования, противоречащие всему моему существу, опасение, что меня втянут в эту историю, вынудят доказывать свою молодцеватость, а мне это отвратительнее всего. Но, с другой стороны, я не мог не войти в положение Яппе и До Эскобара и не переживать вместе с ними тех душевных терзаний, которые отчетливо открывались моему воображению. Я представлял себе, как было нанесено оскорбление, как в городском парке был сделан вызов, внутренне я подавлял вместе с ними, считаясь с изысканностью окружающей атмосферы, стремление тут же броситься в кулачный бой. Я как бы вкусил от их страданий за поруганную справедливость, от их горя, от их испепеляющей, разъедающей мозг ненависти, вместе с ними пережил я припадки бешеного нетерпения и жажды мести, которые овладевали ими ночью. Придя в возбуждение, избавясь вдруг от своей боязливости, я мысленно уже дрался до слепоты, до крови с таким же потерявшим человеческий облик противником, изо всей силы, какой только располагал, всаживал в его ненавистную рожу кулак, да так, что у него трещали все зубы, получал за это зверский пинок в живот и погружался в красные волны, после чего приходил в сознание в собственной постели с утихомирившимися нервами, компрессом из льда на голове, слушая мягкие упреки родных...

Короче, когда пробило половину двенадцатого и мы поднялись, чтобы одеться, я был уже наполовину обессилен волнением, и когда мы одевались в кабине и позже, когда мы уже покидали купальни, — сердце мое колотилось, словно это мне и никому другому на труднейших условиях предстояло драться при свидетелях с Яппе или До Эскобаром.

Отчетливо припоминается мне, как мы спустились втроем по узкому деревянному мосту, который вел наискосок от пляжа к купальням. Само собой разумеется, мы попрыгали на нем, чтобы по возможности его раскачать и взлететь вверх, отталкиваясь от него, как от трамплина. Но, сойдя с моста, мы не пошли дальше вдоль пляжа по деревянному настилу, который вел мимо павильонов и плетеных кабинок, а взяли курс на сушу, держась по направлению к кургаузу или чуть левее. В дюнах палило солнце, исторгая сухой жар из почвы, скудно поросшей волчцом и репейником, которые кололи нам ноги. В тишине было слышно только непрерывное жужжание синих с металлическим отливом мух, которые, казалось, недвижно висят в тяжелом зное, затем внезапно перелетают в другое место, чтобы там снова затеять свою резкую и однообразную песнь. Ощущение прохлады после купания давно прошло. Время от времени то Браттштрем, то я поднимали головные уборы: он — свою шведку, моряцкую шапку с коленкоровым козырьком, я — круглую гельголандскую вязаную, так называемую Tam-o-shanter, чтобы стереть пот со лба. Джонни страдал от жары значительно меньше благодаря своей худобе и особенно потому, что его изысканная одежда лучше подходила для летнего дня. В своем легком и удобном матросском костюме из полосатой ткани, оставившем оголенными ноги и шею, в прикрывавшей его хорошенькую голову синей шапочке с

лентами, снабженной английской надписью, в изящных, с низкими каблуками белых кожаных полуботинках на длинных узких ногах, он шел между Браттштремом и мною размашистым, все убыстряющимся шагом, слегка сгибая колени, и пел с очаровательным акцентом уличную песенку «Рыбачка молодая», которая в то время была в моде: пел ее в неприличном варианте, придуманном тогдашней не по возрасту шустрой молодежью. В этом он сказался весь: невзирая на внешнюю детскость, он уже во многом был осведомлен и безо всякого жеманства постоянно рассуждал на сей счет. Внезапно он с лицемерной миной произнес: «Фу, как не стыдно петь такие скверные песни!» — делая вид, будто это мы столь непристойно обращались к рыбачке молодой.

Мне же вовсе было не до песен, поскольку мы уже подходили к роковому месту встречи. Жесткая, росшая на дюнах трава сменилась колючником, попадавшим на песок, а затем мы вышли на тощий луг: это и была Светлая поляна, названная так по желтому круглому маяку, который возвышался на некотором расстоянии слева, — до цели мы добрались незаметно и быстро.

Этот уютный и мирный уголок, почти никогда никем не посещавшийся, от посторонних взглядов отгораживали ивовые кусты. На открытой площадке среди них живым барьером расположились по кругу, сидя и лежа, молодые люди, почти все старше нас и из разных слоев общества. Видимо, мы подошли последними. Ждали еще только балетмейстера Кнаака, который должен был присутствовать на поединке в качестве судьи и беспристрастного лица. Яппе и До Эскобар были уже на месте — я их тотчас же увидел. Они сидели в кругу на большом расстоянии друг от друга, делая вид, что не замечают один другого. Молча кивнув несколькими знакомым, мы тоже опустились на теплую землю, поджав под себя ноги.

Многие курили. Яппе и До Эскобар тоже держали в углах рта сигареты, щурясь от дыма и закрывая один глаз; было ясно, что они сознают, как это шикарно вот так сидеть и с полным пренебрежением курить перед самой дракой. Оба были одеты, как взрослые, но До Эскобар — заметно элегантнее, чем Яппе. На нем были очень остроносые желтые ботинки и светло-серый летний костюм, розовая рубашка с манжетами, пестрый шелковый галстук и круглая соломенная шляпа с узкими полями, сдвинутая на затылок таким образом, чтобы выставить на всеобщее обозрение плотный и крепкий черный, блестящий, напомаженный кок, в который он сбил свои расчесанные на косо пробор волосы. Порой он поднимал и тряс правую руку, чтобы убрать в рукав серебряный браслет. Яппе выглядел гораздо невзрачней. Его ноги торчали из узких, облегающих брюк, более светлых, чем пиджак и жилет; брюки были прикреплены штрипками к черным начищенным ботинкам, а клетчатую спортивную кепку, прикрывающую его светлые курчавые волосы, в противоположность До Эскобару, он низко надвинул на лоб. Он сидел, охватив руками колени, отчего становилось заметным, во-первых, то, что он носит пристегивающиеся крахмальные манжеты, и, во-вторых, то, что ногти на его сплетенных пальцах либо коротко острижены, либо он, предаваясь пороку, их обгрызает. Между прочим, несмотря на бойкие и самоуверенные позы курильщиков, настроение в кругу было серьезное, даже скованное и преимущественно молчаливое. Единственный, кто его нарушал, был До Эскобар; он, выпуская дым через нос, непрерывно громко и хрипло болтал с окружающими, слегка раскатывая «р». Его трескотня отталкивала меня, и, несмотря на обгрызанные ногти Яппе, я был склонен стать на его сторону; он изредка бросал через плечо какое-нибудь слово соседям, а в остальном с полным внешним спокойствием поглядывал на дымок своей сигареты.

Тут пришел господин Кнаак; словно сейчас вижу я, как он идет окрыленным шагом со стороны кургауза в своем утреннем туалете из синеватой фланели в полоску и, приподняв соломенную шляпу, останавливается за пределами нашего круга. Не думаю, что он пришел охотно, не сомневаюсь даже, что он просто покорился неприятной

необходимости, дав согласие присутствовать при драке, к этому его обязывало положение, его сложные отношения с бравой и весьма воинственно настроенной молодежью. Был он смуглый, красивый и жирный мужчина (особенно жирный в бедрах), зимами он давал уроки танцев и хороших манер в закрытых семейных кружках и на общедоступных курсах при казино, а летом исполнял должность устроителя празднеств и курортного комиссара при кургаузе в Травемюнде. Кокетливыми взглядами, плавной раскачивающейся походкой, при которой он сперва старательно ставил вывернутые наружу носки ног, а затем остальную часть ступни, самодовольной и ученой манерой выражаться, всей театральной уверенностью своего облика, неслыханной, демонстративной изысканностью манер, он вызывал восторг женского пола, в то время как мужчины и особенно критически настроенные подростки его осуждали. Я часто задумывался над положением Франсуа Кнаака и находил его странным и фантастическим. Выходец из низших слоев, он, со своим культом аристократически-светских манер, попросту висел между небом и землей и, не принадлежа к обществу, оплачивался им как блюститель и наставник его нравственных идеалов. Яппе и До Эскобар тоже были его учениками, — не из частного кружка, как Джонни, Браттштрем и я, а с открытых курсов при казино; именно там существование господина Кнаака и его образ жизни подвергались жесткой оценке со стороны молодых людей (мы, в частном кружке, были снисходительнее). Разве можно назвать мужчиной человека, который обучает тонкому обхождению с маленькими девочками, человека, о котором ходил никем не опровергнутый слух, будто он носит корсет, человека, который кончиками пальцев хватал полы своего сюртука и делал реверансы, откалывал коленца и внезапно высоко подпрыгивал, быстро перебирая в воздухе ножками и, пружиня, плюхался на паркет? Таково было подозрение, витавшее над персоной и всем существованием господина Кнаака, усугублявшееся его поразительной самоуверенностью и высокомерием. Он был значительно старше нас всех, утверждали, будто у него (даже смешно представить!) в Гамбурге были жена и дети. Лишь эта разница в возрасте, да еще то, что с ним встречались только в танцевальном зале, ограждала Кнаака от разоблачения и изобличения. Был ли он гимнастом? Занимался ли когда-нибудь спортом? Был ли храбр? Обладал ли он силой? Короче, можно ли причислить его к достопочтенным людям? Ему не доводилось попадать в положение, когда он в противовес своему салонному искусству, мог бы проявить более солидные качества и попасть в разряд уважаемых людей. Нашлись и такие мальчишки, которые всюду и без обиняков называли его обезьяной и трусом. Он, вероятно, знал об этом, потому и пришел сегодня, чтобы выказать интерес к настоящей драке и держаться с молодыми людьми как товарищ, хотя ему, как курортному комиссару, не полагалось бы, собственно, покровительствовать этому незаконному поединку. По-моему, он в этой роли чувствовал себя неважно и ясно сознавал, что вступил на скользкий путь. Некоторые холодно прощупывали его взглядом, а сам он беспокойно озирался, высматривая, не идет ли кто-нибудь еще.

Он вежливо извинился за опоздание. Его задержало, объяснил он, совещание с дирекцией кургауза касательно субботнего бала.

— Дуэлянты на месте? — тут же спросил он бодрым тоном. — Тогда можно начинать.

Опершись на палку и скрестив ноги, он стоял вонне нашего круга, ухватив свои мягкие каштановые усы нижней губой и глядя на все с мрачным видом знатока.

Яппе и До Эскобар поднялись, отшвырнули сигареты и стали готовиться к поединку. До Эскобар проделал это вмиг, с впечатляющей быстротой. Он швырнул шляпу, пиджак и жилет на землю, снял и галстук, воротничок и подтяжки и все бросил к остальным вещам. Затем он даже вытащил из брюк розовую рубашку, проворно выскользнул из рукавов и стоял теперь в нижней бело-красной полосатой трикотажной сорочке, которая

почти полностью обнажала его руки, желтоватые и уже поросшие волосами.

— Покорно прошу, сударь, — сказал он, раскатывая «р», и тотчас быстро вышел на середину площадки, выпятив грудь и расправляя плечи.

Серебряного браслета он не снял.

Яппе, который еще не был готов, повернул к нему голову, вскинул брови и на одно мгновение сквозь опущенные веки взглянул ему под ноги, словно желая сказать: «Потерпи малость, нечего тут балагурить». Когда он встал насупротив До Эскобара, то оказалось, что он отнюдь не похож на атлета и бойца, хотя и был шире него в плечах. Ноги его, обтянутые брюками со штрипками, были слегка вывернуты вовнутрь, а его ненакрашенная, уже чуть пожелтевшая рубашка с широкими рукавами, застегнутыми у кисти на пуговицы, и серые резиновые подтяжки выглядели неважно, в то время как полосатая трикотажная сорочка До Эскобара, а особенно же черная растительность на его руках, производили впечатление воинственное и даже устрашающее. Оба были бледны, но у Яппе бледнота выступала отчетливее, так как в обычное время у него всегда играл румянец во всю щеку. У него было живое лицо несколько брутального блондина, со вздернутым носом, усыпанным на переносице веснушками. Нос До Эскобара был, наоборот, короткий, прямой и ниспадающий, а над его капризными губами проглядывал черный пушок.

Они стояли с опущенными руками, почти соприкасаясь грудью, мрачно и презрительно глядя друг другу в живот. Было очевидно, что они сами толком не знали, что делать, и это всецело отвечало моему ощущению. С момента их ссоры прошла целая ночь и еще полдня: времени было достаточно, чтобы охота наброситься друг на друга, бывшая накануне вечером столь горячей, остыла, — рыцарское благородство помогло им обуздать свои страсти. Теперь они должны были с остуженной кровью, в обговоренный час, совершить перед собравшейся публикой по команде то, что вчера они так охотно проделали бы из живейшего порыва. В конце концов они ведь были благовоспитанными мальчиками, а отнюдь не античными гладиаторами. Любого и каждого охватила бы робость, если бы ему пришлось в спокойном состоянии ни с того ни с сего дубасить другого кулаками. Так я подумал, да так оно на самом деле и было.

Но поскольку для удовлетворения чести должно было что-то произойти, они стали толкать друг друга в грудь растопыренными пальцами, словно считая, что, выказывая таким образом взаимное пренебрежение, можно повергнуть противника; вдобавок они преследовали очевидную цель — раздражить друг друга. Но в тот момент, когда лицо Яппе стало искажаться, До Эскобар прервал вступительную часть поединка.

— Пардон, сударь! — сказал он, отступая на два шага и отворачиваясь.

Он сделал это для того, чтобы туже затянуть пряжку на поясе брюк, — ведь он снял подтяжки, а поскольку он был узок в бедрах, брюки, видимо, начали у него сползать. Покончив с этим и снова изготоясь к бою, он произнес нечто грохочущее, гортанное, испанское, чего никто не понял и что, наверно, должно было означать: «Вот теперь уж я по-настоящему готов», — и, снова расправив плечи, выступил вперед. Очевидно, он был невероятно тщеславен.

Игра плечами и руками началась сызнова. Но внезапно, совсем неожиданно, вспыхнула короткая, дикая и свирепая рукопашная, какой-то вихрь и неразбериха из кулаков. Длилась она секунды три и так же внезапно оборвалась.

— Вот теперь они вошли во вкус, — сказал сидевший рядом со мной Джонни, жуя сухую

травинку. — Пари, что Яппе победит! До Эскобар слишком задается. Посмотрите, он все время косится по сторонам, а Яппе занят делом. Спорим, что он его здорово отлупит?

Отпрянув друг от друга, они стояли, тяжело дыша, со сжатыми кулаками у бедер. Наверняка каждому досталось крепко, ибо лица у них были злые и оба гневно выпятили губы, словно желая сказать: «Как ты смел сделать мне так больно!» Когда они снова ринулись друг на друга, у Яппе глаза налились кровью, а До Эскобар оскалил свои белые зубы.

Они попеременно били друг друга изо всей силы, короткими ударами — по плечам, предплечью и груди.

— Это ерунда, — сказал Джонни со своим очаровательным акцентом. — Так не дерутся. Надо бить по подбородку, снизу вверх, прямо в челюсть. Вот это дело.

Но тем временем ситуация сложилась так, что До Эскобар левой рукой схватил обе руки Яппе и, словно тисками, крепко прижал их к своей груди, а правым кулаком, не переставая, дубасил его в бок.

Возникло всеобщее волнение.

— Не полагается держать! — закричали многие и вскочили.

Испуганный господин Кнаак поспешил в круг.

— Не полагается держать! — крикнул и он. — Вы ведь его держите, дорогой мой! Это противоречит всем правилам.

Он развел их и снова стал внушать До Эскобару, что держать категорически запрещено. После этого он удалился за пределы круга.

Яппе был в ярости, это видели все. Бледный, он, поглаживая бок и окидывая До Эскобара медленным взглядом, зловеще кивнул головой. И когда он начал следующий раунд, выражение его лица было столь твердым, что каждый ждал от него решающих действий.

И в самом деле, как только началась новая встреча, Яппе нанес удар, воспользовавшись приемом, который он, видимо, заранее продумал. Ложным движением левой снизу вверх он принудил До Эскобара прикрыть лицо; но как только До Эскобар это сделал, Яппе так сильно ударил его правой под ложечку, что До Эскобар, согнувшись, подался вперед, и лицо его стало желтым, как воск.

— Вот это да, — сказал Джонни, — это здорово больно. Теперь, может быть, он разозлится и начнет драться всерьез, чтобы отквитаться.

Но удар под ложечку оказался настолько крепким, что нервная система До Эскобара вышла из строя. Видно было, что он уже не может даже по-настоящему сжать кулаки, не то что бить, а в глазах у него появилось выражение, словно он теряет сознание. Так как До Эскобар чувствовал, что его мускулы отказывают, тщеславие побудило его принять следующий образ действий: он стал разыгрывать роль подвижного южанина, который дразнит немецкого медведя своей увертливостью и доводит его до отчаяния. Приплясывая, он маленькими шажками вертелся вокруг Яппе, производя нелепые маневры, и, превозмогая себя, задорно улыбался, что при его скверном состоянии произвело на меня впечатление героическое. Но Яппе вовсе не приходил в отчаяние, а просто поворачивался на каблуках, нанося один крепкий удар за другим и левой рукой

отражая слабые, кокетливые выпады До Эскобара. Судьбу До Эскобара окончательно решило то обстоятельство, что брюки у него все время сползали, а трикотажная рубашечка вылезала, оголяя часть его желтоватого тела, над чем некоторые смеялись. И зачем он только снял свои подтяжки! Ему следовало бы на время отбросить всякие эстетические принципы. Ибо теперь брюки ему мешали, мешали в течение всего поединка. Все время ему хотелось их подтянуть и заправить сорочку, ибо, несмотря на свое плачевное состояние, он не мог смириться с тем, что выглядит неряшливо и смешно. И вот, в момент, когда он сражался лишь одной рукой, а другой старался привести в порядок свой туалет, Яппе нанес ему такой удар по носу, что я и по сей день не понимаю, почему его нос не разлетелся вдребезги.

Хлынула кровь, До Эскобар отвернулся и пошел прочь от Яппе, пытаясь правой рукой остановить кровь, а левой делая за спиной многозначительные знаки. Яппе все еще стоял со сжатыми кулаками, расставив свои вывернутые ноги и ожидая, что До Эскобар вернется. Но До Эскобар вышел из игры. Если я его правильно понял, то он, будучи более благовоспитанным, счел, что этому делу уже давно пора положить конец. Яппе, несомненно, продолжал бы бороться и с кровоточащим носом; но можно с уверенностью сказать, что До Эскобар в подобном случае отказался бы от участия в драке, а сейчас он делал это тем решительнее, что сам истекал кровью. Ему пустили из носу кровь, к черту, он полагает, что дело не должно было заходить так далеко. Кровь стекала у него меж пальцев на одежду, заливала светлые брюки и капала на его желтые ботинки. Хватит, это настоящее свинство, и при подобных обстоятельствах он отказывается драться, ибо это бесчеловечно.

Между прочим, его точку зрения разделяло большинство собравшихся. Господин Кнаак снова вошел в круг и объявил поединок оконченным.

— Честь удовлетворена, — сказал он. — Оба держались превосходно.

Было видно, что на душе у него стало легко, так как дело завершилось сравнительно благополучно.

— Но ведь никого не уложили, — сказал Джонни удивленно и разочарованно.

Яппе тоже согласился считать инцидент исчерпанным и, облегченно вздохнув, пошел к своей одежде.

Маленькая выдумка господина Кнаака, что поединок якобы закончился вничью, была всеми одобрена. Одни тайком поздравляли Яппе, другие одалживали До Эскобару носовые платки, поскольку его собственный быстро пропитался кровью.

— Давай еще! — раздались голоса. — Пусть еще кто-нибудь выйдет драться.

Таково было сокровенное желание всех собравшихся. Схватка Яппе с До Эскобаром длилась недолго, всего каких-нибудь десять минут, не больше. А раз уж пришли и времени еще много, то надо же что-то предпринять! Значит, пускай на арену выйдет другая пара, те, кто не прочь показать, что они достойны называться парнями!

Никто не откликнулся. Но отчего при этом вызове мое сердце застучало, как маленький барабан? То, чего я так опасался, — наступило: обратились непосредственно к зрителям. Почему я внезапно ощутил, что все время в радостном страхе ожидал этого мгновения и отчего, стоило ему лишь настать, я угодил в водоворот противоречивых ощущений? Я взглянул на Джонни: он сидел рядом со мной, спокойный и безучастный, крутил во рту травинку, ища с откровенным любопытством глазами, не найдется ли еще пара

здоровенных болванов, которые расквасят друг другу носы, к его величайшему удовольствию? Но почему именно я почувствовал себя задетым вызовом и, в страшном волнении, почел себя обязанным, преодолевая ценою неслыханного и сказочного напряжения собственную робость, обратить на себя всеобщее внимание и героически выступить на арене? В самом деле, то ли из самолюбия, то ли от чрезмерной застенчивости, но я уже был готов поднять руку и вызваться на борьбу, когда вдруг раздался дерзкий возглас:

— Пусть теперь господин Кнаак подерется!

Глаза всех впилась в господина Кнаака. Разве я не говорил, что он вступил на скользкий путь и подверг себя опасности основательного и жестокого испытания? Но он ответил:

— Благодарю, я в юности получал достаточно тумачков.

Он был спасен. Скользкий, как угорь, он очень ловко выскочил из петли, сославшись на свои годы, и без хвастовства дал понять, что прежде он вовсе по увиливал от честной драки; при этом даже мило посмеялся над собой, признав, что бывал и бит, чем сумел придать своим словам правдивость. От него отстали. Все убедились, что трудно, пожалуй даже невозможно, сбить его с ног.

— Тогда пусть кто-нибудь поборется! — раздался чей-то голос.

Предложение это почти никто не поддержал. Но в разгаре начавшихся дебатов из-под окровавленного платка послышался хриплый испанский голос До Эскобара (я никогда не забуду того ощущения неловкости, которое охватило всех):

— Борьба — занятие трусов. Борьбу любят немцы!

Его невероятная бестактность незамедлительно получила достойный отпор. Ибо в тот же миг господин Кнаак нашел ему блистательный ответ:

— Возможно. Но, кажется, немцы задают порой испанцам здоровую трепку!

Его вознаградил одобрительный смех; с этой минуты положение господина Кнаака весьма упрочилось, а что касается До Эскобара, то на сегодня с ним было бесповоротно покончено.

Почти все сошлись на том, что борьба — занятие более или менее скучное, и, чтобы убить время, принялись за всякого рода гимнастические трюки: прыгали чрез спину соседа, становились на голову, ходили на руках, и тому подобное.

— Ну, пошли отсюда, — сказал Джонни, обращаясь к Браттштрему и мне, и встал.

В этом сказался он весь, Джонни Бишоп. Он пришел сюда, потому что ему было обещано вполне определенное зрелище, возможно с кровавым исходом. Но так как все вылилось в игру, он решил уйти.

Он помог мне составить первоначальное представление о своеобразных преимуществах английского национального характера, которому я впоследствии научился столь сильно дивиться.

Комментарии

1

Травемюнде — город и порт около устья реки Травы, в области Любека.

notes

Примечания

1

Устроитель празднеств (франц.).